

Истинная поневоле

Автор:

[Марина Эльденберт](#)

Истинная поневоле

Марина Эльденберт

Вервольфы #2

Наши с Домиником отношения окончательно превратились в противостояние. Я – пленница в его доме, где он вскоре будет счастлив с законной женой. Мне придется справиться с чувством, которому места во мне быть не должно, и раскрыть тайну своего происхождения, связавшую меня с ним навсегда.

Марина Эльденберт

Истинная поневоле

Глава 1

– Значит, ты хочешь обсудить приготовления к нашей свадьбе.

Собственные слова: все, что я хотела сказать, застывает на губах вместе со вздохом. Поэтому я упускаю преимущество внезапности. Хотя какая тут внезапность? Доминик сверкает глазами, а Одри оборачивается, смерив меня фирменным высокомерным взглядом. Они оба наверняка почувствовали и услышали меня еще в приемной. Она услышала. Не сомневаюсь, про свадьбу волчица тоже сказала нарочно.

Только Доминик не спешит ее поправлять. Он вообще смотрит волком и интересуется:

- Шарлин, что ты здесь делаешь?

Я оглядываюсь на Оуэна и Венеру: первый в замешательстве, вторая – в ужасе, и прикрываю за собой дверь.

- Так вас можно поздравить? Уже выбрали дату?

Одри открывает рот и мигом закрывает, когда со стороны альфы слышится утробное рычание. Вот только я здесь точно не для разговоров о чьей-то свадьбе, поэтому шагаю вперед.

- Нам нужно поговорить.

- Мы можем сделать это позже.

Ну нет! С Одри станется ради такого дела затянуть обсуждения счастливого события.

- Нет, сейчас, – говорю твердо.

- Я занят.

- Она подождет. – Я очаровательно улыбаюсь волчице, которая, судя по виду, готова меня загрызть не перекидываясь. – Правда, Одри? Твоя невеста просто душка.

- Шарлин! – Вот вроде и голоса не повысил, а уже готов вмиг шерстью покрыться.

Кажется, нападение вервольфов и похищение Хантером положительно на меня повлияло, потому что меня больше не пугает ярость Доминика. У меня теперь совсем другие страхи и опасения.

– Я хочу с тобой поговорить, – повторяю я. – Срочно и наедине.

Видимо, вервольф тоже понимает, что проще со мной согласиться, чем продолжать играть в гляделки и рычать на меня. Ну или рассчитывает придушить без свидетелей. Потому что он отодвигает кресло в сторону и направляется к боковой двери, явно ведущей не в приемную.

– Иди за мной.

Когда он отворачивается, Одри готова испепелить меня взглядом, я отвечаю ей взаимностью и следую за Домиником.

За не приметной дверью скрывается кабинет в кабинете. Достаточно большая комната без окон, с пейзажами на стенах, с двумя широкими диванами и журнальным столиком между ними. Она будто создана для секретных бесед или для того, чтобы подремать в обед.

– Это очень личный разговор. Уверен, что нас не подслушают?

– Здесь звукоизоляция.

Значит, с секретными беседами я угадала. Хотя, если честно, мне уже плевать – подслушает нас Одри или нет. Я обхожу диван, стараясь оказаться от Доминика как можно дальше.

– Что ж, поздравляю, – говорю я.

– С чем? – хмурится вервольф.

– С будущей свадьбой конечно же. С тем, что ты все-таки определился со своими симпатиями.

– Ты прекрасно знаешь о моих симпатиях.

Его взгляд, в который раз вонзается в меня с силой отточенного лезвия, но я стряхиваю его.

– Нет, не знаю. Я вообще тебя не знаю, Доминик. Ты говоришь, что можешь не жениться, но не спешишь разрывать помолвку. Вообще интересная постановка предложения «я могу не жениться». Могу не жениться, а могу жениться. Могу даже обсудить свадьбу с будущей женой. Ты вообще всесильный!

С последним предложением я почти срываюсь на крик, поэтому мысленно одергиваю себя. Надо успокоиться. Я здесь не за этим.

– У тебя была возможность узнать меня, Шарлин. – Несмотря на исходящую от него злость, которую я чувствую кожей, голос у Доминика спокойный. – Ты от нее отказалась.

Я киваю на дверь в кабинет:

– И ты быстро нашел мне замену?

– Это теперь тебя не касается.

– А что касается?!

Между нами диван и пара метров комнаты, но ощущение такое, что целый квартал, а может, город.

– Зачем ты здесь? – спрашивает Доминик.

Я должна рассказать про ребенка, но слова снова застревают в горле. Понимаю, что просто не могу этого сделать. Не после того, что здесь услышала.

– Если я выполнила обязательства по сделке, то я хочу сегодня же вернуться в свою квартиру.

Больше всего на свете хочу этого!

– Это невозможно. Пока Кампала ведет свою игру, тебе лучше оставаться в безопасности. А мой дом – самое безопасное место.

И наблюдать за его приготовлениями к свадьбе? Точно нет!

- Установи охрану. Пусть сидят у меня на кухне, но я хочу...

- Нет, - отрезает он, - я поклялся тебя защищать. Это не обсуждается.

Вот теперь я приближаюсь к нему, останавливаюсь в шаге и запрокидываю голову, пытаюсь рассмотреть в глазах этого чужого мужчины того, с кем я смеялась, играла в снежки, бегала на пляже. Которого впустила в свое сердце. Осознание, что я влюбилась в Доминика, такое сильное и внезапное, что от этого больно вдвойне.

Правда, я люблю Доминика, а не этого бессердечного хищника!

- Тебе нравится издеваться надо мной? - интересуюсь я.

- Тот же вопрос к тебе, Шарлин.

И о чем нам еще говорить?

Я отворачиваюсь, потому что в груди печет от тех чувств, которые сейчас горят во мне. От всего невысказанного.

- Это все? - спрашивает Доминик.

- Да, - не раздумывая, отвечаю я.

- Тогда я не стану тебя задерживать.

Намек более чем прозрачен, поэтому я, не глядя на счастливую невесту, вылетаю из кабинета. Натыкаюсь на Оуэна и Венеру и сворачиваю к туалетам.

Нет, меня не тошнит - попросту нечем. Но пульс грохочет в ушах и не получается вдохнуть. Я силюсь, но ничего не выходит. Поэтому я просто врубаю кран с холодной водой на полную и плещу ею в лицо. Умываюсь до тех пор, пока это все не проходит. Боль внутри не проходит.

Только затем выключаю воду и смотрю на отражение.

- И что ты будешь делать? - спрашиваю у себя.

Легкий шорох со стороны заставляет вскинуть голову. На пороге стоит Одри, только смотрит на меня без торжества. В ее взгляде замешательство и неверие.

Она принохивается и все-таки спрашивает:

- Ты... беременна?

Лучше бы это была Венера. Или Оуэн. На крайний случай Доминик. Хотя что последнему делать в женском туалете? Но он мог пойти за мной, чтобы... Чтобы что? Он свое мнение насчет меня уже высказал.

Его невеста - последняя, кому я бы хотела рассказывать про малыша. А выходит, и рассказывать не нужно? К счастью, потому что все, чего я хочу - чтобы она поскорее отсюда убралась.

- Это очень странная традиция, - отвечаю волчице, - наши разговоры в дамских комнатах.

Одри складывает руки на груди:

- Отвечай на вопрос.

- Зачем? Ты же и так все прекрасно унюхала.

Я медленно беру бумажное полотенце и промокаю им лицо. Медленно, потому что не хочу выдать себя дрожью в пальцах.

Значит ли это, что Доминик тоже в курсе?

Почему тогда ничего мне не сказал?

– Он не может быть ребенком Доминика. Это невозможно. Значит, ты ему... изменила? – Последнее Одри выдает с таким отвращением, будто я не альфе изменила, а лично ей на крыльцо нагадила.

– Тебя это не касается, – повторяю я излюбленную фразу Экрота.

– Я его будущая жена, поэтому меня касается все, что касается его.

– А также все, кто касаются его?

На щеках волчицы проступает гневный румянец, но она только вздергивает подбородок и возвращает себе неприступный вид.

– Скоро касаться не будешь. Он тебя выгнал.

Нужно просто не отвечать, но тогда эта самодовольная стерва решит, что может мне указывать.

– Ошибаешься. – Я выбрасываю полотенце в корзину и поворачиваюсь к ней. – У нас сейчас сложный период в отношениях. Доминик привык, чтобы перед ним бегали на задних лапках, а я сама альфа. К тому же это его ребенок и он еще не в курсе.

Глаза Одри широко раскрываются.

– Но это же...

– Невозможно? – хмыкаю я. – Я тоже так считала. Но, как видишь, бывают исключения.

– Ты лжешь!

– Зачем мне это? И разве можно обмануть вервольфа? У вас же звериное чутье.

Удивительно только, почему Одри почувствовала мою беременность, а альфа нет.

На лице волчицы сквозь недоверие и злость проступает растерянность.

- Ты действительно беременна от Доминика?

- Да.

- И не сказала ему?

- Нет. Хочешь рассказать за меня?

По одному взгляду Одри видно, что не хочет. Потому что незапланированный ребенок может нарушить ее планы стать женой альфы. Она ничего не расскажет. Сохранит в тайне, а это именно то, что мне нужно. Пока я не разберусь во всем.

- Пропусти.

Как ни странно, она отступает в сторону. Неохотно, но на этот раз не пытается распускать свои лапы. Что удивительно.

- Если это его ребенок, - бросает Одри мне в спину, - если он будет вервольфом, мы примем его в свою стаю. Можешь не волноваться на этот счет.

От ее слов я едва не спотыкаюсь о порог. До этого я считала, что моя единственная проблема в том, что Доминик может мне не поверить. А даже если и поверит, я все равно буду матерью-одиночкой. И я почти смирилась с этим фактом. О том, что моего малыша попросту могут у меня забрать, я даже не подумала. При этой мысли все внутри меня восстает, мне хочется разорвать Одри на части. Любого разорвать на части, кто попытается забрать моего ребенка.

Не позволю!

Поэтому я оборачиваюсь и, глядя ей в глаза, напоминаю:

- Пока что это не твоя стая, Одри.

Спокойствие дается мне непросто, но я выхожу за дверь, расправив плечи, сохранив достоинство и оставив последнее слово за собой.

Я возвращаюсь той же дорогой, только сворачиваю не к лифтам, а снова в приемную Доминика. Мне нужно узнать, почему Одри почувствовала перемены во мне, а главный волк нет. И единственная, кто может дать мне ответ, – Венера.

Я нахожу девушку за ее рабочим столом и, игнорируя Оуэна, говорю:

– Знаю, ты занята, но можешь уделить мне минутку? Это очень важно.

– Да. Хорошо.

– Где мы можем поговорить, чтобы нам не помешали?

Венера кивает и проводит меня в большой зал, который, судя по длинному столу и множеству стульев вокруг него, предназначен для переговоров. Она прикрывает за собой дверь.

– Во-первых, хочу сказать, я очень рада, что ты вчера не пострадала. Во-вторых... Во мне что-то изменилось?

Венера всегда держит лицо, но сейчас даже не скрывает собственного замешательства.

– Не понимаю.

– То есть ничего не изменилось? – уточняю я.

Вот теперь волчица смотрит на меня пристально, а потом ведет носом, как совсем недавно делала Одри. Чтобы через пару минут охнуть.

– Ты в положении?

– Да.

Сосредоточенность на ее лице сменяется улыбкой.

- Поздравляю, Чарли! Это чудесно! Но... Но как?

- А как появляются дети? - У меня вырывается нервный смех. - Прости. Все это не важно. Лучше скажи, как ты это почувствовала. И почему это не почувствовал Доминик?

- Он не почувствовал?!

- Нет. По крайней мере, не сказал...

Венера хмурится:

- Возможно, потому что срок беременности слишком маленький, твой запах еще не слишком изменился. Волки и волчицы по-разному чувствуют это, но...

Он закусывает губу, не договорив.

- Что но? - интересуюсь я.

- Отец обычно чувствует своих детенышей даже в утробе. Это наша природа.

Мне становится смешно, настолько смешно, что я едва сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться. Очень зло рассмеяться. Особенно когда Венера осторожно интересуется:

- Это ребенок Доминика?

- Конечно, Доминика! Или ты думаешь, что я могла ему изменять при таком тотальном контроле? Вокруг меня армия преданных вервольфов. Да, вчера меня похитили, но забеременела я не вчера!

- Извини за глупый вопрос. Дело правда не в армии вервольфов, в тебе. Ты бы не стала изменять сама.

- Считаешь, что слишком хорошо меня знаешь?

- Успела узнать. К тому же между тобой и Домиником такие искры, что это сложно не заметить.

Не знаю, про какие искры речь, но между нами все кончено.

Было бы кончено, если бы не мой малыш!

- Какая разница, если он все равно не чувствует собственное дитя?

- Огромная. Альфа не глупец. И хотя это чудо, что ты смогла забеременеть от вервольфа, он ни за что не откажется от своего волчонка.

Эта новость мне совсем не нравится!

- Одри меня уже просветила на этот счет. Сказала, что Доминик мне его не отдаст. Это правда?

- Одри точно не та, к чьим советам стоит прислушиваться. Зачем тебе это? Ты можешь жить в стае. Никто не имеет права прогонять тебя.

Жить в стае и смотреть на Доминика с Одри. Вот и ответ.

- А если не захочу? Захочу уехать вместе с ним.

- Любому волку нужна поддержка стаи.

- Если он родится волком.

- Кем еще он может родиться? - хмурится Венера.

- Человеком.

Хотя сейчас я не уверена, что этого ребенка можно будет назвать человеком. Ведь я не человек, я - имани. Непонятно кто. И мой ребенок может быть как

вервольфом, так и... Кем он вообще будет? Таким, как Хантер. Историк сказал, что у него сила проснулась в тринадцать. Возможно, до этого она просто пряталась в нем. Так и мой малыш маскируется и не хочет выдавать себя биологическому папаше.

Я влипла!

Я влипла в это сильнее, чем в долг Дэнвера.

- Чарли, - прерывает мою мысленную панику Венера, - ты должна рассказать все Доминику. Поверь, он будет счастлив.

- Счастлив забрать у меня ребенка?!

Кажется, я все-таки срываюсь, поэтому делаю медленный вдох и так же медленно выдыхаю. Волчица смотрит на меня с сочувствием.

- Никто у тебя его не забирает.

- Но может.

Зря я рассказала все Венере. И зря обратилась к ней. Но теперь это уже не важно.

- Чарли...

- Я расскажу ему, когда буду готова. Хорошо? И прошу ничего ему не говорить. Думаю, ты бы тоже не хотела расстаться со своим малышом.

Венера вздрагивает, но кивает. Возможно, я бью по больному, но сейчас мне еще страшнее, чем когда я увидела вторую полоску на тесте.

Потому что, понравится это Доминику или нет, ребенка я ему не отдам!

Глава 2

С Домиником я больше не сталкиваюсь, поэтому без приключений возвращаюсь в магазин. Работы много, и я берусь помогать Рэбел обслуживать бесконечный поток покупателей, который не иссякает до самого закрытия. Где-то в коротких перерывах я размышляю, что стоит записаться к доктору и начать все планировать. Планировать на двоих.

Проблема в том, что сейчас в моей жизни все слишком зыбко, чтобы начинать что-то планировать. Взять хотя бы необходимость жить в доме Доминика. Но именно туда меня привозит Оуэн после работы и провожает до порога. Вервольфы никогда не входят в дом альфы без его приглашения.

А вот самого альфы дома нет: в этом я убеждаюсь, когда поднимаюсь в спальню, чтобы принять душ и переодеться. Двери в его комнату и в кабинет приоткрыты, свет выключен. В гостиной и на кухне тоже пусто. Не знаю, где сейчас Доминик, хотя есть подозрения с кем.

Выкинуть из головы картинки с ним и Одри получается далеко не сразу, но все-таки получается. Мы ничего друг другу не должны, а лишние нервы мне сейчас ни к чему. Стресс не нужен ребенку, поэтому отныне только спокойствие!

Я включаю любимую радиостанцию и готовлю себе ужин. Неторопливо, с удовольствием. Не знаю, причина в том, что во мне проснулась эта имани, или в том, что я ношу ребенка вервольфа, но я действительно стала по-другому воспринимать запахи. Они стали ярче, а еще я будто стала экспертом в свежести продуктов. Сегодня в меня совершенно не влез сэндвич с ветчиной из кафе напротив. Мне оказалось достаточно его понюхать, чтобы понять, что с ветчиной что-то не то. Зато в холодильнике Доминика все было очень свежим: охлажденное мясо, овощи, фрукты. Стоило уловить аромат стейка, аппетит у меня проснулся волчий.

– Значит, любишь мясо? – поинтересовалась я, положив ладонь на живот. – Как интересно. А что еще?

Никогда бы не подумала, что смогу осилить огромный кусок стейка с кровью, но сейчас не просто осилила, мне захотелось добавки. Так же малышу зашли

зеленые овощи, а вот от всего сладкого, включая виноград и бананы, меня воротило. И от кофе тоже, что стало для меня огромной печалью.

После ужина я решила не изменять своим привычкам: раз Доминик сказал, что я теперь живу с ним, то вести себя буду как дома. Принесла ноутбук на кухню и села за продолжение романа. Удивительно, но я чувствовала себя умиротворенной, даже написала половину главы. Но моего спокойствия хватило ровно до телефонного звонка.

Звонок от Хантера, поэтому первое мое желание – не отвечать на него. Но историк настойчив, продолжает названивать каждые пять минут. Что жутко бесит и не дает сосредоточиться на сюжете. На шестнадцатый раз я уже просто не выдерживаю:

– Что тебе надо?

– Считаю справедливым, что, если я утром ответил на твои вопросы, вечером ты ответишь на мои.

Что?! У него вообще с головой в порядке?

– Ты меня обманул и похитил. Я тебе ничего не должна.

– А кто говорит про долг? Это всего лишь дружеский разговор.

– Мы не друзья!

Я сбрасываю звонок и возвращаюсь к главе, но телефон снова изображает большую пчелу и продолжает жужжать на беззвучном режиме.

Раз.

Два.

Три...

Десять!

Так, хватит.

Я хватаю телефон со стола и собираюсь совсем его выключить, но хорошее настроение и так помахало мне ручкой, а мне безумно хочется высказаться. Спустить всех бесов на Хантера!

- Мы бы могли стать друзьями, если бы ты не использовал меня, чтобы подобраться к Доминику.

- И я прошу прощения за то, что напугал тебя. - На этот раз в его голосе нет показной веселости, историк предельно серьезен. - Еще я пообещал, что не причиню тебе вреда, и сдержал свое слово.

- Думаешь, достаточно извиниться и все будет как прежде?

- Думаю, мы можем быть полезны друг другу.

Вервольфы все настолько самоуверенные? Или только мне такие попадаются?

Пока я думаю над цензурой ответа, он продолжает:

- Я обещаю тебе свою защиту, Чарли. От Экрота и Кампалы. И свою преданность.

- Это что? Какая-то волчья формулировка?

- Клятва альфы, известная с пятого века.

- Но ты не вервольф. И точно не альфа.

Хантер тихо смеется.

- С первым ничего не поделаешь, а ради нашей дружбы и альфой станешь.

- Хочешь занять место Доминика? - интересуюсь.

- Да. Оно мое по праву.

- Тогда не рассчитывай, что я стану тебе помогать.

Я собираюсь снова повесить трубку, но гипнотический бархатный голос Хантера не позволяет это сделать.

- Я звоню не поэтому, Чарли. Не из-за Экрота, а из-за твоих слов. Мое предположение насчет альф и имани подтвердилось, так? Ты носишь его ребенка?

Бесы!

Бесы дважды!

Потому что я не должна поминать бесов при ребенке.

- Это не твое дело!

- Значит, носишь.

Это что, сожаление?

- Я могу повторить...

- Не нужно, - перебивает меня историк. - Тогда тебе действительно понадобится моя помощь. Потому что никто не знает про имани и про их детей столько, сколько я.

Я резко втягиваю воздух и выдыхаю:

- Ты ошибаешься. Во всем.

Нажимаю отбой и для верности выключаю телефон, а потом обхватываю себя руками. На кухне тепло, во всем доме очень тепло, но сейчас у меня мороз по

коже.

Потому что уже слишком многие знают о моем положении.

Бесов Хантер!

Мои слова вряд ли его убедят. А ведь он правда знает многое. Он родился таким и изучал вервольфов всю свою сознательную жизнь. И конечно же мог ответить если не на все мои вопросы, то на многие.

Это слишком заманчиво: воспользоваться тем, что он предлагает. Но я не нуждаюсь в ничьей защите или помощи. И уж точно мне не нужны ничьи клятвы, у них слишком большая цена. А в том, что историк назовет свою, я не сомневаюсь. Он прекрасный игрок, поддаваться на его фальшивое участие – себе дороже.

– Мы справимся сами, – говорю я малышу. Не уверена, что он меня слышит – слишком он мал для этого, но мне нравится так думать. Будто нас связывает какое-то особое чутье: он чувствует меня, а я чувствую его. – Хотя почему сами? У тебя еще есть бабушка с дедушкой и тетя Рэбел.

На этой мысли стальные пальцы, будто сжимающие мое сердце, отпускают, мне больше не хочется свернуться клубком и выть от бессилия.

Я всегда справлялась, справлюсь и на этот раз!

Подумав, что сегодня вряд ли напишу еще хоть строчку, закрыла файл с романом и записалась онлайн (ближайшей датой оказался понедельник) к гинекологу. После выпила чашку травяного чая и отправилась спать. Наверное, прошлая ночь, а может, весь этот день вытянули из меня все силы. Я чувствовала себя так, будто в одиночку перетаскала все книги в магазине, заодно и все шкафы передвинула. Поэтому я сбросила одежду на стул и залезла под одеяло, чтобы тут же провалиться в сон.

Мне снился Дэнвер. Таким, каким я его запомнила. Мы неслись по ночной автостраде и ссорились. Я просила его сбавить скорость, но он только сильнее жал на газ. Волк, огромный белый волк, возник в свете фар так внезапно, что я

закричала, а Дэн вывернул руль, и резким ударом меня выкинуло через лобовое стекло. Я приготовилась к боли, но ее не последовало – волк подхватил меня и оттащил в сторону. Только оглянувшись, я поняла почему: машина загорелась и вспыхнула костром.

– Там Дэн! – крикнула я. Попыталась рвануться обратно, но нас отбросило взрывом. Взрывом, в эпицентре которого был мой бывший муж. И после которого никому не выжить...

Меня встряхивают, но не лапами, а руками. И я вздрагиваю, выныривая из кошмара. Меня действительно обнимают и прижимают к широкой обнаженной груди.

– Шарлин, тише. Я рядом.

Голос Доминика, глубокий, низкий, стряхивает с меня остатки сна. Как и его объятия.

– Что ты здесь делаешь? – интересуюсь хрипло.

– Ты кричала. Во сне.

Доминик вместе со мной на кровати и обнимает меня так, будто не было его слов про конец сделки. Но они были.

И они ввинчиваются в сознание. Вместе со страхом, что он вот-вот почувствует, поймет, что я ношу его ребенка. Этот страх настолько сильный, что до меня не сразу доходит его вопрос:

– Что тебе снилось?

Я отстраняюсь, вытираю мокрые щеки и холодно отвечаю:

– Это не важно. Не входи ко мне больше. Кричу я или нет. Я всего лишь твоя гостя, которой ты дал клятву. Больше никто.

Во взгляде Доминика вспыхивает что-то звериное. Но спустя мгновение даже оно запечатывается холодом и безразличием, желтое сияние исчезает из его глаз. Вервольф резко поднимается и уходит к себе.

А я поглубже закапываюсь в одеяло и пытаюсь заснуть.

Просыпаюсь я как по будильнику и обнаруживаю, что Доминик свои обещания выполняет – я снова в доме одна. И выполняет не только сегодня, все последующие дни мы с ним почти не пересекаемся. За исключением пятницы, когда я поздно вернулась из магазина и увидела, как он провожает к выходу отца Одри, и случайного столкновения в воскресенье на кухне. Меня это почти радует. Почти, потому что всякий раз при встрече с ним я замираю и ищу в его лице удивление или злость, или хоть какие-нибудь эмоции. Но нахожу только безразличие.

Хотя моя беременность становится для меня все очевиднее.

Теперь я не могу есть по утрам. Совсем. Не могу пить кофе. Малыш все держит под строгим контролем. Стоило однажды нарушить установленные им правила, и пришлось снова запирается в туалете. Зато я съедаю два стейка в день. Один в обед в «Бэйлизе» или в стейк-хаусе «Бычье копыто», второй – уже по возвращении в особняк Доминика.

Понедельник наступает неожиданно, и гинеколог, светловолосая женщина в годах, поздравляет меня с тем, что я и так знаю. У меня будет малыш. Еще у меня прекрасные анализы и токсикоз из-за полной перестройки организма.

На этом, правда, поздравления и заканчиваются. Потому что мне назначают УЗИ. Впрочем, когда я вижу своего малыша на экране, слезы подкатывают к горлу. У него большая голова, и он действительно очень крохотный, но он мой.

Маленький мой.

Но разве он не должен быть меньше?

– Вы утверждаете, что у вас срок не больше трех недель? – уточняет доктор Кимран, водя по моему животу датчиком ультразвука.

- Да, - хмурюсь я. Учитывая наши недолгие отношения с Домиником, забеременеть раньше я просто не могла.

- Очень интересно.

- Что именно?

- Просто по тому, насколько развит плод, я бы сказала, что у вас седьмая-восьмая неделя.

По спине тянет холодом.

- Этого не может быть, - говорю я, вглядываясь в экран. Доктору или себе?

Я не медик, но в школе биологию изучала и знаю, сколько у людей длится беременность. У людей...

Мой догадка чуть ли не подкидывает меня вверх. А у волков?

- Сколько длится беременность у вервольфов? - спрашиваю я.

- Двадцать две недели. Это из-за их звериных генов. Но вы человек.

Я уже в этом не так уверена.

- Я должна о чем-то узнать, прима Брайс? - Доктор Кимран смотрит на меня, как тот ультразвук. Но сначала мне самой нужно во всем разобраться, поэтому я отвечаю:

- Нет, все нормально. Седьмая неделя - это хорошо. Я, наверное, что-то перепутала.

Не знаю, смогла ли я ее убедить или нет, но доктор назначает мне витамины, советует больше отдыхать и максимально исключить стресс.

Исключишь тут! Да мы с ним практически сроднились!

Покинув кабинет, я сворачиваю в нишу (к счастью, Оуэн и его напарник согласились подождать в холле клиники и у меня есть фора), достаю из сумки телефон и набираю номер, по которому пообещала себе больше не звонить.

Хантер отвечает сразу, и даже не пытается шутить. Что тоже к лучшему.

– Мне понадобится твоя помощь, – говорю без предисловия. – Но учти, никаких условий!

– Я обещал, что на этот раз все будет честно.

– Хорошо.

Я все еще сомневаюсь, верить мне ему или нет, о доверии вовсе речи не идет. Но какие у меня варианты? Перелопатить все книги о вервольфах в магазине? Да у меня почти каждая о вервольфах! Поискать в Сети? Там, пожалуй, можно найти все что угодно. Про волков, но не про имани. До знакомства с Хантером я о таком даже не слышала. Имани и их дети не существуют ни для людей, ни для вервольфов. Но они существуют: я и Хантер прямое тому доказательство.

– Что ты хочешь знать? – спрашивает историк.

– У меня много вопросов.

– Я мог бы предложить встретиться, но твои телохранители вряд ли подпустят меня к тебе ближе чем на километр.

– Я все равно не собираюсь с тобой встречаться, – осаживаю его. – Мы будем общаться исключительно по телефону.

– Вервольфы слышат и телефонные разговоры, а тебя все время охраняют.

– Не все время, – говорю я и прикусываю язык.

Ну и чего, спрашивается, я с ним разоткровенничалась? Он мне не друг. Просто источник ценной информации.

– Я не собираюсь хранить в тайне то, что ты мне расскажешь, – исправляю ситуацию.

– Пойдет, – подозрительно легко соглашается Хантер. – Набери меня, когда сможешь разговаривать, и я отвечу на любой твой вопрос. Искренне и без условий.

Я и так задержалась, поэтому нажимаю отбой и возвращаюсь к Оуэну. Мой главный телохранитель сканирует меня взглядом, но ничего не говорит, а я чувствую себя странно, ведь только что разговаривала с врагом и соперником Доминика. В голову приходит не менее странная мысль: правильно ли я поступаю? Но я прогоняю ее прочь. Мне нужно все узнать, ради нашего с малышом будущего. Ведь, по словам Хантера, с детьми имани не все так просто. Я сама в этом убедилась на сегодняшнем приеме у доктора.

Рабочий день проходит как обычно, не считая того, что я все время думаю о разговоре с Хантером, и того, что мою беременность обычной не назовешь. Хотя бы потому, что она развивается слишком быстро. Поэтому я иногда путаю заказы и книги. К счастью, Рэбел все вовремя исправляет и не задает вопросов. За что я благодарна ей вдвойне.

Время в автомобиле до особняка тоже растягивается, и мне хочется, чтобы водитель ехал быстрее, но, естественно, я тороплю его только в собственных мыслях. И даже забываю попрощаться с Оуэном, настолько спешу остаться одна.

Вот только в холле я натыкаюсь на Доминика.

Он спускается по лестнице, ведущей на второй этаж. Без пиджака, в брюках и светлой рубашке, босиком. Такого Доминика можно смело назвать домашним, если зверю вообще подходит этот эпитет.

– Здравствуй, Шарлин.

Только он так произносит мое имя – глубоко, рычаще, что даже сейчас его голос будто теплом прокатывается по моему телу. Я по-прежнему на него реагирую, отзываюсь, несмотря на то что не должна. Не хочу отзываться!

Я застываю на пороге, потому что появление Доминика полностью рушит мои планы сразу же набрать Хантера. Почему из всех дней он решил остаться дома именно сегодня?! Или не решил?

- Привет, - киваю я. - Ты сегодня дома?

- Да.

Если и существовала крохотная возможность, что Доминик еще куда-нибудь уедет, то она только что испарилась. Поэтому я перестаю изображать перепуганного зайца и иду к нему навстречу. Кто же виноват в том, что это единственная лестница на второй этаж?

- Тогда постараюсь не выходить из своей комнаты, чтобы тебе не мешать.

- В моем доме ты можешь делать все, что захочешь, Шарлин. - Доминик останавливается посередине лестницы и прямо у меня на пути. Она достаточно широкая, чтобы его обойти, но что-то мне подсказывает, что просто обойти его не получится.

- Скажу по-другому: мы не будем мешать друг другу, если разойдемся по разным комнатам.

Наверное, сейчас мы выглядим как семейная пара на грани развода. Они давно охладели друг к другу и уже даже не ссорятся, а просто вынуждены делить общий дом, пока не подписали бумаги. Я едва не смеюсь. Какой же бред лезет в голову! Мы не семейная пара.

Мы вообще не пара.

- Оуэн передал мне, что ты была сегодня в больнице. Почему?

На то, что моя охрана будет держать рот на замке, я даже не надеялась, но к тому, что альфа устроит мне допрос, не готова.

- Доминик, мы же вроде договорились, что ты меня защищаешь, и на этом все. Я должна докладывать тебе обо всем, что происходит в моей жизни?

– О том, что касается твоей безопасности и здоровья – да.

Он спускается еще на одну ступеньку и нависает надо мной.

Альфа слишком близко. Настолько близко, что я чувствую его аромат – сильный, мужской, манящий, и ловлю себя на мысли, что хочется податься вперед, провести ладонями по мужской груди, прижаться к Доминику. Руками. Губами. Все мое тело будто превращается в оголенный нерв, жаждущий его близости. Прямо здесь, на лестнице. До сорванного голоса, до сбившегося дыхания. Это звериное желание наброситься на него такое сильное, что именно это меня и спасает от необдуманных поступков. Осознание, что я собиралась сделать, выдергивает меня в реальность. Осознание и страх, что только что практически утратила контроль.

В глазах Доминика гаснет тот же алчный огонь, который я успела ощутить на себе. Это сделал он? Заставил меня почувствовать себя ненасытной самкой, желающей спариваться. Венера говорила про голос альфы, а что насчет взгляда?

Я облизываю пересохшие губы и сжимаю кулаки, чтобы не выдать дрожь, от которой до сих пор меня всю колотит. Мне нельзя волноваться. Малышу это не на пользу.

– Не делай так больше, – приказываю я. Мой голос тоже дрожит, но это вполне можно списать на раздражение.

– Как?

– Как ты делаешь!

– Я всего лишь спросил тебя про визит к доктору.

– Ты разве не знаешь, что с моим здоровьем?

– Это конфиденциальная информация, поэтому для начала я решил все уточнить у тебя.

Желание никуда не исчезло, но я понемногу превращала его в здоровую злость.

- Для начала? Это угроза?

- Предусмотрительность. Так в чем дело?

Я заглядываю в его лицо и понимаю, что Доминик не лжет. Не пытается вывести меня на чистую воду, чтобы призналась первой, не издевается. Иначе бы на вопрос про «знаешь» ответил иначе. Он действительно не чувствует, что я беременна.

Вопрос - почему?

Проще всего спросить у него, но я не готова признаваться Доминику сейчас.

- Меня кое-что беспокоило, поэтому я делала УЗИ. Но с моим здоровьем все хорошо. Спасибо, что интересуешься.

- Поужинаем вместе?

А вот это неожиданно! Настолько неожиданно, что я зависаю второй раз за вечер.

- Нет, - отрезаю я. - Чем меньше мы будем проводить время в обществе друг друга, тем лучше. Ты сам сказал, что мы друг другу не подходим. Друзей из нас тоже не получится.

- Не получится, - соглашается Доминик. - Я не смогу дружить с тобой, Шарлин. Для этого я слишком тебя хочу.

Его слова отражаются в груди болью. Потому что «хочу» не равно «люблю». Он хочет мной владеть и на самом деле не видит во мне равную. Наши отношения изначально были обречены на провал.

- А я - нет, - отвечаю я, все-таки ныряя в промежуток между перилами и Домиником и сдерживаю себя, чтобы не начать перепрыгивать через ступеньки. Наоборот, поднимаюсь медленно и уже на верхней площадке оборачиваюсь,

чтобы заметить закрывшуюся входную дверь. После чего спешу к себе.

Далеко босиком Доминик не уйдет, наверняка отправился на пляж, поэтому у меня есть немного времени.

Набираю Хантера и прошу:

– Расскажи все, что знаешь про имани.

– Всё – слишком расплывчатое понятие, – отвечает историк.

Я подхожу к окну и замечаю пересекающего внутренний двор Доминика. Не оглядываясь, он толкает заднюю калитку и скрывается в темноте пляжа. Того самого, на котором я впервые увидела его в волчьей ипостаси.

Замечаю, что свободной рукой вцепилась в край подоконника до побелевших пальцев, и отстраняюсь. Выдыхаю, пытаюсь расслабиться. Мне нужно сосредоточиться на Хантере и его словах, а не думать о Доминике. Не думать, что я угадала насчет пляжа. Что я слишком хорошо его знаю.

– Я рассчитываю, что ты ничего не упустишь, – говорю я. – Потому что я должна знать, кто я такая.

– Справедливо. – В голосе Хантера слышна улыбка. Он вообще как-то быстро включился в разговор, будто с нетерпением его ждал.

Конечно, ждал! Наверное, нарадоваться не может, что встретил настоящую живую имани.

– Как они появились? – спрашиваю я, и тут же исправляюсь: – То есть мы.

Что я чувствую, когда думаю, что я какая-то особенная? Что я не человек и не вервольф? Только растерянность и неверие. Неверие в то, что все это на самом деле происходит со мной.

– Мои родители – мои настоящие мама и папа, я на них похожа.

– Не сомневаюсь в этом ни капли, – успокаивает меня Хантер. – Как и в том, что они обычные люди.

– Тогда... почему я?

– А почему я родился с разноцветными глазами? Природа, генетика. Тебе просто повезло.

Повезло, как же!

– Но как и мои способности, – продолжает он, – твои тоже долгое время находились в спящем состоянии. Пока их не спровоцировала встреча с Экротом.

– Почему это вообще происходит? Почему рождаются такие дети?

– Я думаю, что таким образом природа заботится об исчезающем виде. А может, это новая ступень эволюции, которая берет лучшее из двух существующих на планете видов и создает нечто совершенное. Более сильную, здоровую, выносливую версию людей и вервольфов.

– А по-моему, тебе просто хочется считать себя особенным.

– Здесь ты ошибаешься. – Беззаботный голос Хантера сменяется ледяным. – Раньше я бы все отдал, чтобы быть обычным. Но потом понял, что глупо отказываться от того, что тебе подарила судьба.

– Я подобных подарков не просила.

– Это уже не важно. Тем более что твой будущий ребенок будет именно таким. Он уже особенный.

– Для меня он особенный, потому что мой, – отрезаю я и кладу ладонь на живот.

Моя фигура пока не изменилась, но с таким быстрым ростом малыша я не смогу долго скрывать беременность.

– Значит, – продолжаю я, – дело во мне и в альфе?

В моей сильной генетике и в том, что я занималась сексом с вожаком.

– Мой бывший муж не был альфой, поэтому моя сила не раскрывалась, а тут раскрылась. Выходит, дело не в Экроте? Подошел бы любой сильный... самец?

– Вероятнее всего, у вас с мужем не было детей не из-за разницы в видах, просто ты, как имани, ждала более сильного и достойного самца. – Последнее слово Хантер произносит с насмешкой, а вот мне совсем не смешно.

От таких новостей голова кругом. Значит, все мои мечты насчет мужа-человека и детей все равно бы не сбылись. Я бы осталась бесплодной, потому что моя сущность ждала Доминика или кого-то другого. Но поверит ли он мне?

– Я была сегодня у доктора, и мне сказали, что моя беременность развивается очень быстро.

– Как у волчиц, – подтверждает Хантер. – Это нормально, не бойся. Если ты имани, значит, твой организм должен быть приспособленным к рождению волчат.

– А если нет? Ведь... – Я осекаюсь, но потом все равно заканчиваю: – Ведь твоя мать умерла при родах.

Повисает короткая пауза, и мне даже кажется, что историк ничего не ответит, но он отвечает:

– Считаю, что нам не стоит это обсуждать.

– Я не хочу обсуждать тебя, я хочу обсуждать себя. Скажи, чего мне стоит бояться? Потому что мне уже страшно.

Мне действительно страшно. Даже страшнее, чем когда на меня несся оскалившийся волк.

– Вервольфы не просто так зациклены на потомстве, – все-таки говорит Хантер, – и именно поэтому берегут волчиц. У них случаются выкидыши, многие волчата погибают во время родов...

– И волчицы тоже, – заканчиваю за него, и меня прошибает ознобом. В спальне жарко, даже душно, но мне невыносимо холодно. Сердце в ушах звучит набатом.

Что, если мой ребенок не выживет? Если не выживу я?

Я, кажется, выпадаю из реальности, потому что прихожу в себя, только когда слышу свое имя и ругательства в трубке.

– Чарли, с тобой все будет в порядке, поверь мне. Уверен, Экрот для своего наследника не пожалеет ни лучших врачей, ни внимания и заботы.

– Он не знает, – признаюсь я.

– Что?!

– Доминик не почувствовал, что я беременна. И не знает, что это его ребенок. То, что я в положении, почувствовали только две волчицы.

Судя по донесшемуся из трубки грохоту, у историка что-то свалилось и рассыпалось.

– Это невероятно! – восклицает Хантер со смехом. – Малыш просто чудо.

– И что в этом чудесного?

– Он дитя имани и вервольфа невероятной силы, и он тоже очень сильный. Сильный и хитрый. Он прячется, Чарли. Маскируется, чтобы его не почувствовали мужчины. Волчицы не представляют для него угрозы, они, как и ты, женщины. А вот от Экрота он спрятался, потому что... – Хантер останавливается, и его голос становится спокойным и задумчивым: – Потому что этого хочешь ты? Он чувствует тебя. Почему ты не хочешь рассказывать о ребенке его отцу?

Можно сказать правду, можно солгать, но зачем мне вообще нужно отвечать на этот вопрос?

- Это не имеет никакого отношения к нашему разговору.

- Имеет, и прямое. Чего ты боишься?

Потерять его.

Я знаю о существовании малыша несколько дней, но уже безумно люблю его и больше всего на свете боюсь его потерять.

Но я не собираюсь признаваться в этом Хантеру. Я вообще никому не собираюсь в этом признаваться.

- Давай вернемся к имани, - говорю я.

- А мы от них и не отходили.

- Отходили. Все, о чем я тебя прошу, так это рассказать о том, с чем мне придется столкнуться, будучи беременной от вервольфа. Я хочу защитить своего малыша, а с его отцом как-нибудь сама разберусь!

- Было бы неплохо.

Голос Доминика за спиной заставляет меня замереть. Пальцы деревенеют, поэтому телефон просто выскальзывает из рук, ударяется о подоконник и улетает на пол. Не знаю, пережил ли он падение, выключился или Хантер продолжает слушать мое срывающееся дыхание.

Я медленно поворачиваюсь: альфа стоит, прислонившись к дверному косяку и сложив руки на груди. С виду спокоен, но этот вид обманчив, потому что глаза Доминика горят желтым, и от сверкающих в них молний по коже бежит холодок. Я узнаю этот взгляд: так он смотрел на меня, когда забирал из дома Хантера.

Доминик плавным движением хищника наступает на меня, и я бессознательно прижимаюсь, прилипаю к подоконнику - дальше мне бежать некуда. Но он

останавливается в двух шагах, подбирает телефон, проводит пальцем по экрану, а после швыряет его на постель. Только потом повторяет:

- Было бы неплохо разобраться во всем.

От Доминика веет животной силой и такой же яростью, мы сталкиваемся взглядами, и это приводит меня в чувство.

- Что ты слышал?

- Очевидно, ваш занимательный разговор с твоим недавним похитителем.

- Ты же уходил... Я видела, как ты отправился на пляж!

- Я вернулся.

- Ты меня обманул, - доходит до меня. Показал, что уходит, а сам тихо вернулся!

- И это говоришь мне ты, Шарлин? - Доминик почти рычит, в один шаг преодолевая расстояние между нами. - После разговора с моим врагом. Или после того, как решила не рассказывать мне о моем ребенке?

Я не собираюсь оправдываться. Ни перед кем, а тем более - перед Домиником.

- С чего ты взял, что это твой ребенок?

Альфа усмехается. Жестко.

- Чьим еще он может быть? Я первый мужчина, которого ты подпустила к себе после неудачного брака с Дэнвером, на тебе мой запах. Историк-недовервольф прав, - он опускает взгляд на мой плоский живот, - я не чувствую своего волчонка, но я не идиот, Шарлин. Я чувствую тебя. То, как ты изменилась, стала другой. Новые привычки в еде. Перепады настроения. Визит к доктору. Твоя скрытность. Я не мог в это поверить, но факты - вещь упрямая. Оказывается, мы с тобой совпали даже сильнее, чем я думал.

Доминик тянется ко мне, намереваясь положить ладонь на живот.

Я перехватываю его запястье двумя руками. Конечно, во мне нет и сотой доли его силы: альфа может скрутить меня в два счета. Мы это оба понимаем, поэтому застываем друг напротив друга.

- Ты догадался про ребенка и молчал?!

- Я надеялся, что ты мне расскажешь. Видимо, зря.

- Это ничего не меняет, - говорю я.

- Ошибаешься, Шарлин. Это меняет всё. Всё между нами.

Я не понимаю, а когда начинаю понимать, хочется вцепиться ему в горло в лучших традициях вервольфов.

- Ты дал слово! Освободил меня от обязательств, я могу уйти отсюда в любую минуту.

Его глаза вновь загораются желтым, а скулы заостряются, выдавая готовность принять волчью ипостась. Альфа отступает так же стремительно, как подошел ко мне.

- Ты носишь под сердцем моего волчонка, значит, останешься здесь, в этом доме, пока он не появится на свет.

Мое сердце падает, и этой пропасти нет конца и края.

- А потом? - спрашиваю севшим голосом.

- Потом можешь делать все, что захочешь. Мой сын останется со мной.

Мой самый страшный кошмар последних дней воплощался наяву. Доминик узнал про малыша и, как и говорила Одри, решил присвоить его себе. Забрать его у меня.

Я настолько падаю в этот страх, что бросаюсь на Доминика с криком раненой волчицы. В попытке расцарапать лицо, сделать больно. Так же больно, как он делает мне! Но альфа легко перехватывает меня, фиксирует и тесно прижимает к себе, пока я бьюсь в его руках, будто бабочка в паутине.

- Я не отдам тебе его! - рычу я. - Не отдам! Он мой!

Он ждет, пока я выдохнусь, и только после коротко обещает:

- Посмотрим.

Доминик резко отстраняется и стремительно покидает мою комнату, забирая мое сердце. Забирая нечто большее.

Надежду. Надежду, что он так ни о чем и не узнает.

Мне остается только дойти до кровати и упасть на нее вслед за телефоном. В голове крутилось: «Ты, Чарли, самая настоящая дура, если верила, что может быть иначе!»

Перезванивать Хантеру было бессмысленно, поэтому я свернулась на кровати прямо в одежде и прикрыла глаза. Чтобы открыть их от ярких полосок солнечного света, проникающих в комнату через неплотно прикрытые жалюзи.

Беременность влияла на меня странным образом: раньше я бы ни за что не уснула вот так, без душа, и не проспала больше десяти часов. Главное – вряд ли бы выпалась. Но сейчас чувствовала себя бодро и решительно. Я проснулась с мыслью, что все мои советчики были правы – вряд ли бы у меня получилось утаить беременность от Доминика. Не говоря уже о младенце. Сейчас, когда он знает, все стало проще и сложнее одновременно. Проще, потому что мне больше не нужно прятаться, а сложнее, потому что теперь надо убедить альфу изменить свое решение. Доказать ему, что ни я, ни ребенок ему не нужны.

Доминик любит сделки, и я собиралась с ним договориться.

Наскоро приняв душ, почистив зубы и причесавшись, я спустилась на кухню. В это время альфа обычно завтракал, а после отправлялся на работу. Я выучила его график, когда старалась с ним не сталкиваться. Это было несложно, учитывая, что сама я не завтракала.

Мне повезло: сегодня Доминик не изменял своим привычкам и готовил яичницу. Любопытно, но при всех своих возможностях завтрак он делал себе сам. Правда, никто не предупреждал меня, что он делает это без рубашки. Стоило моему взгляду споткнуться о литые мышцы на мощной спине, все вступительные слова заготовленной речи выветрились из головы.

Это происходило вновь: мне дико захотелось подойти сзади и провести ладонями по его спине, прижаться к ней грудью, лизнуть его под лопаткой. Наваждение, которое мне не принадлежало. Не могло мне принадлежать!

– Доброе утро, – говорит Доминик, не оборачиваясь. – Ты вовремя. Завтрак готов.

– Я не завтракаю.

– Придется, если хочешь, чтобы наш сын родился здоровым.

Я складываю руки на груди и приподнимаю бровь.

– То есть ты собираешься насильно затолкать в меня омлет?

Альфа наконец-то оборачивается и сканирует меня испытывающим взглядом.

– В этом есть необходимость?

Как ни странно, сейчас от запаха еды мне не хочется немедленно воспользоваться гостевым туалетом. Наоборот, в животе тихо урчит, потому что второй стейк вчера я пропустила, а против омлета малыш, кажется, не возражает. Поэтому я отодвигаю стул с ближайшей к двери стороны стола.

– Хорошо, я позавтракаю с тобой.

Доминик выключает плиту и раскладывает омлет по тарелкам, а потом ставит одну передо мной. Порция волчья, но я решаю не спорить и принимаю врученную мне вилку. Альфа опускается на соседний стул. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, что он меня ждал. Услышал, как я проснулась, и ждал, пока спущусь. А значит, не только я хочу поговорить.

– Я хочу, чтобы ты сегодня посетила доктора, – подтверждает мою догадку Доминик.

– Я вчера уже была в больнице.

– Это хорошая клиника, но она не для вервольфов. Я хочу, чтобы тебя осмотрел наш специалист.

– И как ты собираешься убедить их принять не волчицу?

– Не волнуйся, они не станут задавать лишних вопросов. А я должен быть уверенным, что с сыном все хорошо.

Омлет вкусный, и я даже позволяю себе немного насладиться завтраком, прежде чем перейти к собственным вопросам.

– Зачем тебе ребенок?

– О чем ты? – прищуривается он.

– Зачем тебе ребенок от меня? Ты сам вчера сказал, что Хантер недовервольф. Этот малыш тоже родится таким. Неполющенным с точки зрения волков. Когда ты женишься на Одри, у вас будут общие волчата. Так зачем тебе мой ребенок?

Доминик откладывает вилку и пристально изучает мое лицо. Долго.

– Ты действительно не понимаешь? – интересуется он, и его вопрос заставляет меня почувствовать себя глупо.

– Что я должна понять?

– Это мой ребенок, Шарлин. Я не собираюсь от него отказываться только потому, что тебе так захотелось.

– Но ты заставляешь отказаться от него меня, потому что тебе так захотелось! – Мой голос почти срывается на крик, и я заставляю себя продолжить завтрак, только чтобы вернуть себе видимость спокойствия.

Странно, что у меня получается есть в присутствии этого тирана!

– Разве я тебя заставляю?

Я едва не давлюсь от возмущения.

– А как еще назвать то, что ты хочешь отобрать у меня ребенка?

– Не хочу.

Мои брови взлетают вверх: я совершенно точно ничего не понимаю. Поэтому прищуриваюсь и решаю уточнить:

– Что?

– Я хочу, чтобы мой ребенок остался в стае. Я не считаю его недовервольфом, как ты сказала. И я не собираюсь прогонять тебя, Шарлин. Ты тоже можешь остаться.

Остаться?

– Остаться в качестве кого, Доминик? Не думаю, что твоей супруге понравится присутствие в стае твоей бывшей любовницы. Уверена, мне придется ходить и оглядываться.

– Она не тронет тебя. Не пойдет против моей воли.

– Мы точно про одну и ту же Одри говорим? Или у тебя в запасе еще десять невест, послушных и кротких?

Доминик гневно раздувает ноздри.

- Ты видишь врагов там, где их нет, зато водишь дружбу с одним из них.

- Ни с кем я ничего не вожу!

Вот теперь мне кусок в горло не лезет, поэтому тоже отставляю тарелку и поднимаюсь. Стул отъезжает с противным скрежетом. А Доминик поднимается следом, нависает надо мной.

- Я тебе уже говорила, Доминик, что не смогу играть вторую роль. Поэтому мне нужен мужчина, для которого я буду единственной, вместе с которым мы будем семьей. Обычной семьей. Если я останусь в твоей стае, то ни с Одри, ни с другой волчицей или твоими любовницами я не стану мириться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/marina-eldenbert/istinnaya-ponevole>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)